

Смирнова Софья Ивановна

Огонек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С68

С68 **Софья Ивановна С.**
Огонек / Смирнова Софья Ивановна – М.: Книга по Требованию, 2025. –
467 с.

ISBN 978-5-519-74166-8

Роман в 3 частях

ISBN 978-5-519-74166-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОГОНЕКЪ.

I.

Случается такъ, что сойдутся двое и спорятъ до тѣхъ поръ, пока обоимъ захочется выпарапать другъ другу глаза. Именно въ такомъ положеніи находились двое джентльменовъ, о которыхъ я поведу рѣчь.

— Прежде всего надо быть современнымъ,—бричалъ одинъ изъ нихъ.

— То-есть?

— Безъ всякихъ „то-есть“. Я говорю: прежде всего надо быть современнымъ, а отсюда слѣдуетъ, что мнѣ нужно сто тысячъ...

— Отсюда еще ровно ничего не слѣдуетъ...

— Пойдите! Походите! Мнѣ нужно сто-тысячъ! Я пускаю ихъ въ оборотъ. Приобрѣтаю другія сто тысячъ. Въ суммѣ получается двѣсти тысячъ. Это ясно?

— Да позвольте...

— Позвольте, позвольте!

— Да на что вамъ эти двѣсти тысячъ?

— Какъ на что, помилуйте!

— Ну, да напимѣрь. Что вы съ ними дѣлать будете?

— Двѣсти тысячъ—это штука хорошая. Это сила, понимаете-ли—сила! Мнѣ деньги нужны не для денегъ...

— Да что вы тамъ рассказываете! и мужику цѣлковый не потому нуженъ, что тамъ на одной сторонѣ представленъ орелъ, а на другой пропечатано, что вотъ это, молъ, рубль серебра. Его тоже не это плѣняетъ...

— Нѣтъ, погодите, вы меня не поняли. Вы смотрите на деньги съ матеріальной стороны...

— Я говорю: дайте мужику цѣлковый...

— Нѣтъ, мы будемъ смотрѣть...

— Мужикъ точно также....

— Съ точки зрѣнія нравственной, деньги какъ двигатель...

— Вотъ и мужикъ именно точно также...

Читатель, пожалуй, вообразить, чего добраго, что тутъ и до драки ужъ недалеко. Чистѣйшее заблужденіе! До какого бы неистовства ни доходили мои пріатели на словахъ, личность всегда оставалась неприкосновенной. До сихъ поръ не было примѣра, чтобы они чѣмъ-нибудь пустили другъ въ друга. Старшій, Ипполитъ Аполлоновичъ, сидѣлъ на окнѣ, младшій въ изступленіи ходилъ по комнатѣ. У Ипполита Аполлоновича было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя въ глаза не бросаются и долго въ памяти не остаются. Всякаго гораздо болѣе поражалъ его необыкновенно коротенькій пиджакъ, чѣмъ его обыкновенная фізіономія. Можно бы замѣтить, пожалуй, что глаза у него сильно на выкатѣ, но ихъ онъ тщательно скрывалъ подъ синими очками. Онъ съ достоинствомъ носилъ пестрые брюки, пестрые галстухи и свои сорокъ-

пять лѣтъ. Юный собесѣдникъ его былъ совсѣмъ въ другомъ вкусѣ. Съ непривычки легко было испугаться его блуждающихъ взглядовъ и свирѣпаго выраженія. Но стоило только улыбкѣ появиться на этомъ лицѣ, и оно дѣлалось неузнаваемо. Ротъ смѣялся, носъ смѣялся и, главное, смѣялись глаза. Двадцать-три года такъ и сказывались въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи. Настоящая фамилія его была Басанченко-Самойленко, но въ письмахъ къ знакомымъ онъ всегда подписывался Жоржинькой, да такъ и пошелъ потомъ за Жоржиньку.

Разговоръ между тѣмъ продолжался, но уже въ болѣе мирномъ тонѣ.

— Я, братъ, думаю въ какомъ-нибудь акціонерномъ обществѣ послужить, — говорилъ Жоржинька. — Что ты на это скажешь?

— Давай пробовать вмѣстѣ. Я тоже свою службу думаю бросить.

— Можно и вмѣстѣ. Только вотъ что я тебѣ скажу. У меня шансовъ больше, чѣмъ у тебя.

— Это какимъ образомъ?

Вмѣсто отвѣта Жоржинька порылся въ боковомъ карманѣ, вытащилъ оттуда бумагу и поднесъ ее къ самому носу пріятеля. Ипполитъ развернулъ и посмотрѣлъ.

— Что это значить?

— Это значить, что я членъ „Общества дешеваго продовольствія“, или, если хочешь, акціонеръ.

— Да, и думаешь пустить эту акцію въ оборотъ, чтобы нажить сто тысячъ. Мудрено, но выгодно.

— Какое тамъ къ чорту сто тысячъ! Номинальная

цѣна этой бумажки сто рублей, а теперь самое бѣльшее за нее дадутъ два съ половиной. Я тебѣ совѣтую приобрести точно такую же.

— Нѣтъ, братъ, спасибо; я лучше себѣ новую фуражку куплю.

— Постой, постой, не горячись. Сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорю: вынимай изъ кошелька 30 р. и покупай одну акцію, одну единственную, и той за глаза довольнo.

— Да ты никакъ сума сошелъ! Дамъ я 30 р. за клочокъ бумажки, который не стоитъ двухъ съ половиной.

— Черезъ мѣсяцъ онъ и двухъ копѣекъ не будетъ стоить. А все-таки послушай дружескаго совѣта: купи акцію.

Ипполитъ началъ сильно таращить глаза; Жоржинька наслаждался изумленіемъ своего друга.

— Это, видишь-ли, „Общество дешеваго продовольствія“. Объ его дешевизнѣ ты можешь судить ужъ по тому, что за какіе-нибудь триста-четыреста рублей оно берется разорить тебя самымъ наилучшимъ образомъ, т.-е. просто, что называется, первый сортъ. У кого есть лишнія деньги—несите туда. Назадъ не вернуть, не бойтесь.

— Постой. Какъ же ты попалъ въ акціонеры? тоже, значитъ, влетѣлъ?

— Кто, я-то? Какъ-бы не такъ! Я эту бумажку купилъ у одного любезнаго человѣка и заплатилъ срокъ рублей. Если хочешь знать, у кого именно—изволь: у здѣшняго хозяина. (Жоржинька указалъ рукою

по направленію къ двери). И цѣль у меня такая, чтобы чрезъ эту акцію попасть, такъ сказать, въ самую директорію общества и раздѣлить барыши пополамъ. А? Ты какъ на этотъ счетъ?

Ипполитъ промывалъ какое-то одобреніе. Какъ только дѣло заходило о выгодной спекуляціи, у пріятелей начинался самый согласный дуэтъ. Жоржинька продолжалъ:

— По условію, прежде чѣмъ забраться въ правленіе, надо побывать въ оппозиціи. Если я буду акціонеромъ, то имѣю полное право поднять гвалтъ въ первомъ собраніи. Я такую исторію начну, что чертямъ тошно! Я директорамъ не дамъ покою ни днемъ, ни ночью. Я всѣ ихъ старые грѣшки выведу на божій свѣтъ. Сейчас потребую отчетовъ. Пойдутъ свѣрки, повѣрки, учеты, балансы. Почему такъ, а не эдакъ? Почему эдакъ, а не такъ? А, вы не знаете! Очень хорошо, милостивый государь! Мы объ этомъ поговоримъ въ общемъ собраніи. Да тамъ и закатаешь какую-нибудь зажигательную рѣчь. Разбудилъ акціонеровъ—вотъ и пошла потасовка.

— Ну, да, потасовка-то пошла, а тебѣ-то отъ этого какая польза?

— Мнѣ-то? Да такъ себѣ. Директоры разчухаютъ, что я за гусь, да и перетащатъ меня въ свой лагерь. Барыши пополамъ.

— А если этого паче чаянія не случится?

— Не случится, такъ чортъ съ ними. Пропадай мои сорокъ рублей. За то я имъ такъ насолю, что будутъ помнить. Признаться сказать, я даже немножко желаю, чтобы этого не случилось. Въ оппозиціи быть

какъ-то пріятнѣе. Тутъ жизнь кипитъ: партіи составятся, кружки. Сначала станемъ говорить. Будетъ правая и лѣвая. Однимъ словомъ—Англія.

Тутъ въ дверь высунулась чья-то голова и спросила, не здѣсь ли баринъ.

— На что тебѣ баринъ?

— Да его тутъ какая-то барыня спрашиваетъ.

Пріятели переглянулись между собою.

Прежде всего читатель долженъ знать, что дѣйствіе происходитъ на промежуточной станціи одной очень почтенной желѣзной дороги. Назовемъ эту станцію, положимъ, хоть Малиновкой. Тутъ считается нѣсколько фабрикъ и заводовъ и отсюда же предполагаютъ повести новую питательную линію на 60 верстъ въ сторону. Кой-какія предварительныя работы уже начаты и завѣдуетъ ими инженеръ-строитель, или, попросту, путеецъ, Денисъ Васильевичъ Ракитинъ. Въ домѣ этого самого инженера и происходилъ разговоръ двухъ пріятелей. Они являлись къ нему всякій разъ, какъ чувствовалась потребность почитать газеты. (Сами они ихъ не выписывали, отчасти по безалаберности, отчасти по недостатку средствъ). Хозяинъ въ этомъ случаѣ, нисколько не стѣсняясь, продолжалъ заниматься у себя въ кабинетѣ, а гостей предоставлялъ на произволъ судьбы.

Теперь мы можемъ возвратиться къ посѣщенію интересной незнакомки. Пріятели еще разъ переглянулись и наконецъ одинъ изъ нихъ рѣшился крикнуть:

— Денисъ Васильевичъ!

Въ отвѣтъ на это хозяинъ явился самъ. Сурово по-

сматривая на гостей и не выпуская изъ рукъ огромной газеты, которая закрывала его до половины, какъ простыня, онъ спросилъ, что имъ нужно. Это обращеніе было встрѣчено, какъ вещь очень обыкновенная. Къ странностямъ хозяина, должно быть, всѣ уже привыкли.

— Ступайте: къ вамъ барышня пришла.

Инженеръ взглянулъ еще суровѣе.

— Кто такое? Я здѣсь ни съ какими барышнями не знакомъ.

— Не могу знать-съ,—отрапортовалъ Жоржинька.

Дверь въ это время отворилась и незнакомка явилась сама.

— Не узнаешь?—сказала она, протягивая хозяину руку и не поднимая вуалетки.

Потомъ, замѣтивши постороннихъ, она сдѣлала общій поклонъ и стала торопливо снимать перчатки.

— Ты меня не ждалъ, конечно. Я тебѣ ничего не писала, но это случилось такъ неожиданно, что даже для меня это сюрпризъ. Мы приѣхали сюда цѣлой компаніей, т.-е. я и Любочка съ отцомъ. Я только недавно узнала, что ея дядя тутъ у васъ на какой-то фабрикѣ директоромъ. Ахъ, какая же пыль, еслибъ ты зналъ! Посмотри пожалуйста, на что я похожа.

Съ этими словами она обернулась сначала къ хозяину, потомъ посмотрѣла на гостей, какъ бы желая узнать и ихъ мнѣніе. Гости опустили глаза, понимая, что продолжать далѣе безцеремонный осмотръ было бы невѣжливо.

— Моя сестра, господа. Здѣшніе жители,—кратко

отрекомендовалъ хозяинъ и освѣдомился у сестры, не желаетъ ли она чего-нибудь закусить.

— Давай, пожалуй, я не откажусь. Дѣвушка откинула вуаль, прошла по комнатѣ, сняла тальму и бросила ее на стулъ. Во всѣхъ ея движеніяхъ замѣтна была нервная торопливость; она и говорила какъ-то отрывисто, хотя голосъ ея былъ пріятный. Она была хороша собою. Смуглый, почти бронзовый цвѣтъ кожи придавалъ ея лицу особенный, оригинальный оттѣнокъ. На щекахъ пробивалась легкая краска. Темные глаза съ длинными рѣсницами, при яркомъ освѣщеніи, дѣлались свѣтлыми, почти прозрачными. Каштановые волосы съ золотыми искорками были зачесаны назадъ и падали по плечамъ. По сложенію, ее можно было назвать скорѣй худошавою, чѣмъ полною женщиной, но даже и эта худоба очень шла къ ней. Туалетъ былъ простъ: темное репсовое платье, на которомъ рѣзко отдѣлялась золотая цѣпочка; высокія кожаныя ботинки. Никакой отдѣлки, ни одного бантика или ленточки.

Взглянувши на сестру и потомъ на брата, вы бы нашли между ними мало родственнаго. Общаго съ нею у него былъ только смуглый цвѣтъ лица и такіе же переменчивые загадочные глаза. Далѣе сходство прекращалось. Онъ былъ совсѣмъ некрасивъ. Суровое, отталкивающее выраженіе лежало на этой головѣ, съ грубыми чертами, толстыми губами и коротко обстриженными волосами. Если что красило его, такъ это опять-таки взглядъ, въ которомъ много было сестринаго.
